

В небе вольные птахи
Рассекают простор.
В белой Божьей рубахе
Софийский собор.

С покаянною дрожью
На молитву встаю.
Мне за пазухой Божьей
Хорошо, как в раю.

В жизни брэнной и тяжкой
До скончания лет
Всем нам служит рубашкой
Божий праведный свет.

На пиру и на плахе
Русский зла не таит,
В белой отчей рубахе
Перед Богом стоит.

И в Господней вселенной
Осеняют простор
Крест нательный нетленный
И Софийский собор.

* * *

Мир отражается в слезинке
И ощущает с небом связь.
Слезами вымою ботинки,
Чтоб не тащить на небо грязь.

Как старики сентиментальны:
Чуть что, и слёзы на глазах.
Какие постигают тайны
Они в Божественных слезах?

Прощайте старикам капризы.
На вас взирает, чуть дыша,
Сквозь слёз оптические линзы
Подслеповатая душа.

* * *

Снег идёт на склоне дня.
Он идёт ко мне.
Снег проходит сквозь меня...
Голова в огне.

Закипает в сердце дрожь.
Голова в дыму.
«Ты куда, куда идёшь?» –
Я кричу ему.

Замерзает в горле крик:
«Ты мне другом был!»
Он в ответ: «Отстань, старик,
Я тебя забыл!»

Я в смятенье: «Как же так?
Я ещё живой?»
Белый саван.
Белый флаг.
Снег над головой.

Слезы зябкие мои
Превратил в шугу.
Вроде зыбкой полыньи
Вся душа в снегу.

Но не слышит он меня.
Мне не по себе.
...Снег идёт на склоне дня
По моей судьбе.

* * *

Листобоем напролом
В дом вломившись спозаранку,
Осень за моим столом
Стелет скатерть самобранку.

Ломит тучный каравай
И поводит томно бровью.
Говорит: «Отец, давай
Выпьем за твоё здоровье!»

– За здоровье! – Я не прочь,
Хоть глаза твои – туманы,
Но к здоровью приторочь
Спирта полные стаканы.

Коли ты – родная мать,
Невзирая на погоду,
Гулевать так гулевать! –
Разбавлять не будем воду.

На двоих с тобой вдвоём
Каравай судьбы разделим
И отчаянно споём
Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
Нынче праздник в доме нашем.
А сварливая зима
За окошком пусть попляшет.

* * *

Семинар поэтов молодых –
Юных дней моих воспоминанье.
Бьют меня товарищи под дых,
Испытуя на излом дыханье.

Битым я не раз потом бывал.
И, пройдя суровую закалку,
Диафрагму натренировал,
Укрепил характер и дышалку.

Выковал в себе бойцовский дух
И широкий непокорный выдох.
За меня дают сегодня двух
Стихотворцев, в драках не добитых.

Я шагаю, млечностью пыли.
Небеса мне – скатерть-самобранка.
За моей спиной – вся земля
И река разбойная – Татьянака.

Где, как тать, берёт меня в полон
Город эН – фамильная обитель.
И сибирякам земной поклон
Шлёт один его исконный житель.

Предо мной – заснеженная мгла.
Завывает вьюга ошалело...
...Город Омск морозом добела
Раскалён до млечного предела.

Пролетел табун коней гнедых
Лет моих... И вновь меня встречает
Семинар поэтов молодых
Жадными горящими очами.

Соловьями критики поют...
Внемля им душою нараспашку,
Понимаю-чую: наших бьют!
Обсуждают Тихонова Сашку.

Сашка – поэтический юнец
Достославной песенной Сибири.
Рядом с ним сидит его отец –
Кулаки тяжёлые, как гири.

Отчего-то очень жутко мне,
Если он кого-нибудь ударит.
Хорошо, что никакой родне
Слова не дают на семинаре!

Я шепчу: «Сашок, держись, родной!
Даже если в драке будет жарко.
Город-Тара за твоей спиной
И река искристая Аркарка.

И ещё – сибирская земля,
Что природной силою питает,
Где, небесной млечностью пыля,
Русская поэзия ступает...».

Ослик

Марине Ганичевой...

Лихо дьявол танцует чечётку.
Мечет искры в кромешном аду.
Я пошлю его, рыжего, к чёрту
И другою дорогой пойду.
Той дорогой, что всеми забыта,
Где надрывно в лихую грозу

Не грохочут, а плачут копыта,
Вышибая из камня слезу.
И пускай обо мне скажут после,
Что он жизнь не ценил ни черта!..
И был глуп и упрям, словно ослик,
На себе вывозивший Христа.

Неизвестный поэт

Вместе ели и пили,
Схоронившись от жён.
В вашей братской могиле
Я себя не нашёл.

В вашем мире загробном
Я для вас не родня.
В мартирологе скорбном
Нет в помине меня.

Может, лишнего выпил
И сказал что не так?..
Я из времени выпал,
Как посмертный пятак.

Обо мне не жалейте.
Я вас должен жалеть.
Мне в похмельном бессмертье
С вами песен не петь.

Среди без вести павших
Погружаясь во тьму,
Антологии ваши
Я с собой не возьму.

Сказ

Вот и ковёр-самолёт.
И сапоги-скороходы.
Только душа не поёт:
Видно, ей мало свободы.

Пенная брага рекой.
Мёда хмельного колода.
А на душе непокой –
А на хрена ей свобода?

Вот тебе меч-кладенец.
Вот тебе небо в алмазах...
Экий ты ухарь-купец!
Вот навязался, зараза!

Вот тебе лыко в строку
И самобранка-скатёрка...
А сверх того, дураку,
На опохмелку пятёрка.

Что же ты мух ловишь ртом?
Что же ты медлишь с ответом?
Али во сне золотом
Слёзно не грезил об этом?

Глянул дурак в пустоту
И рубанул средь пирушки:
«За вековую мечту
Ты мне суёшь побрякушки!

Экий ты ухарь-купец!
Не продаётся такое!..»

...Вроде и сказу конец,
А на душе нет покоя!

* * *

Душа у меня молода
Из хрупкого, тонкого льда.
Когда лёд оттаёт,
В душе расцветает
Подснежников нежных гряда.

В душе у меня бирюза
Прозрачная, словно слеза.
Звонящее лето.
И сполохи света
Мои застилают глаза.

В душе у меня тишина.
Душа несказанно пьяна.
Небесная просинь.
Бездонная осень.
Во всём виновата она.

В душе моей снежная тьма.
Наполнены всклень закрома.
Сварливая печка.
Замёрзшая речка.
Горбатая ведьма – зима.